

Джордж Байрон Шильонский узник

СОНЕТ К ШИЛЬОНУ¹

Свободной Мысли вечная Душа,
Всего светлее ты в тюрьме, Свобода!
Там лучшие сердца всего народа
Тебя хранят, одной тобой дыша.

Когда в цепях, во тьме сырого свода,
Твоих сынов томят за годом год,
В их муке зреет для врагов невзгода
И Слава их во всех ветрах поет.

Шильон! Твоя тюрьма старинной кладки
Храм; пол — алтарь: по нем и там и тут
Он, Бонивар,² годами шаг свой шаткий

Влачил, и в камне те следы живут.
Да не сотрут их — эти отпечатки!
Они из рабства к богу вопиют!³

ПРЕДИСЛОВИЕ

В то время, когда я писал эту поэму, я не был достаточно знаком с историей Бонивара; будь она мне известна, я бы постарался быть на высоте моего сюжета, попытался бы воздать должную хвалу мужеству и доблестям Бонивара. Теперь я получил некоторые сведения о его жизни благодаря любезности одного из граждан республики, продолжающей гордиться памятью мужа, достойного быть сыном лучшей поры древней свободы.

«Франсуа де Бонивар (Bonniwar), сын Луи де Бонивара, родом из Сейселя⁴ (Seysse) и владелец Люна (Limes), родился в 1496 году. Он учился в Турине;⁵ в 1510 году Жан Эмэ де Бонивар, его дядя, передал ему приорат Сан-Виктор, прилегающий к стенам Женевы и

---

¹ Шильон — Шильонский замок, расположенный на Женевском озере между Клараном и Вильневом. Возведен в XII–XIII вв.

² Бонивар, Франсуа (1493–1570?). — Детали биографии исторического Бонивара несколько отличаются от приведенных Байроном. В частности, два его брата не были заточены одновременно с ним в замок.

³ Перевод Г. Шенгели

⁴ Сейсель — небольшой городок в Верхней Савоие.

⁵ Турин — главный город Пьемонта (Италия).

дававший крупные бенефиции... Этот великий человек (Бонивар заслуживает такой эпитет силой духа, прямоотой, благородством помыслов, мудростью советов, отважностью поступков, обширностью знаний и живостью ума), этот великий человек, перед которым будут преклоняться все, кого трогает геройская доблесть, будет возбуждать еще более живое чувство благодарности в сердцах женецев, любящих Женеву. Бонивар был всегда одним из ее самых твердых столпов: чтобы упрочить свободу нашей республики, он часто ставил на карту свою свободу; он забыл о своем спокойствии, отказался от своих богатств; он сделал все, что мог, для того, чтобы упрочить счастье страны, которую почтил своим избранием; с того момента, как он признал ее своей родиной, он полюбил ее как самый ревностный из ее граждан; он служил ей с геройским бесстрашием и написал свою „Историю“ с наивностью философа и горячностью патриота.

Он говорит в начале своей „Истории Женевы“, что „с того времени, как он начал читать историю народов, он почувствовал влечение к республикам и принимал всегда их сторону; эта любовь к свободе, несомненно, и побудила его избрать Женеву своей второй родиной“.

Бонивар был еще молод, когда открыто выступил защитником Женевы против герцога Савойского⁶ и епископа. В 1519 году Бонивар сделался мучеником за свою родину: когда герцог Савойский вступил в Женеву с пятьюстами человек, Бонивар, опасаясь гнева герцога, хотел укрыться в Фрибург⁷ от грозивших ему преследований. Но его предали два человека, сопровождавшие его, и по приказу герцога его отвезли в Гролэ, где он пробыл в тюрьме два года. Путешествия не спасали Бонивара от беды: так как несчастья не ослабили его преданности Женеве и он продолжал быть страшным врагом для всех ее недругов, то и подвергался всегда опасности преследований с их стороны. В 1530 году в горах Юры⁸ на него напали воры, ограбили его и препроводили к герцогу Савойскому. Последний заточил его в Шильонский замок, где Бонивар пробыл, не будучи ни разу подвергнут допросу, до 1536 года, когда его высвободили из тюрьмы бернские войска, завладевшие всем кантоном Ваад (Pays-de-Vaud).

Выйдя на свободу, Бонивар был обрадован тем, что увидел Женеву свободной и преобразованной; республика поспешила выказать ему свою благодарность и вознаградить его за вынесенные им бедствия: в июне 1536 года он был возведен в звание женецкого гражданина, республика принесла ему в дар дом, где некогда жил генеральный викарий, и назначила ему пенсioen в двести золотых экю на все время его пребывания в Женеве. В 1537 году он был выбран членом Совета Двухсот.

Бонивар продолжал служить на пользу своих сограждан: позднее, после того как он помог Женеве стать свободной, ему удалось также сделать ее веротерпимой. Бонивар убедил Совет предоставить духовенству и крестьянам достаточно времени для обсуждения сделанных им предложений; он достиг цели своей мягкостью; Для того чтобы успешно проповедовать христианство, нужно действовать любовью и кротостью.

Бонивар был ученым; его рукописи, сохраняющиеся в публичной библиотеке, доказывают, что он хорошо знал латинских классиков, а также обладал обширной эрудицией в области богословия и истории. Этот великий человек любил науку и полагал, что она может составить славу Женевы; поэтому он всячески старался насадить ее в городе, начавшем жить самостоятельно. В 1551 году он подарил городу свою библиотеку и положил этим основание нашей публичной библиотеке; книги Бонивара и составляют часть редких прекрасных изданий XV века, имеющихсся в нашем собрании. Наконец, в том же году этот

---

⁶ Герцог Савойский — Карл X (1486–1553), представитель Савойской династии герцогов, с 1416 до 1720 г. правивших в Италии.

⁷ Фрибург (Фрибур) — центр кантона Фрибур в Швейцарии.

⁸ Юра — горная цепь во Франции и Швейцарии.

истинный патриот назначил республику своей наследницей, под условием, что она употребит его состояние на содержание коллежа, основание которого проектировалось тогда.

Бонивар умер, по всей вероятности, в 1570 году, но точно установить дату его смерти нельзя, потому что в списках умерших есть пробел от июля 1570 года до 1571-го».

(Histoire Litteraire de Geneve Жана Сенебье⁹ (1741–1809), 1786, I, 131–137).¹⁰

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК

I

Взгляните на меня: я сед,
Но не от хилости и лет;
Не страх незапный в ночь одну
До срока дал мне седину.
Я сгорблен, лоб наморщен мой,
Но не труды, не хлад, не зной
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостного дня,
Дыша без воздуха, в цепях,
Я медленно дряхлел и чах,
И жизнь казалась без конца.
Удел несчастного отца
За веру смерть и стыд цепей
Уделом стал и сыновей.
Нас было шесть — пяти уж нет.
Отец, страдалец с юных лет,
Погибший старцем на костре,
Два брата, падшие во пре,
Отдав на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На дне тюремной глубины
И двух сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себе на горе уцелел,
Чтоб их оплакивать удел.

II

На лоне вод стоит Шильон;
Там, в подземелье, семь колонн

---

⁹ Жан Сенебье (1741–1809) — швейцарский натуралист, долгое время работал библиотекарем в Женевской библиотеке, написал ряд справок по истории страны, в частности «Histoire Litteraire de Geneve» (1786), выдержку из которой привел Байрон в своем предисловии к поэме.

¹⁰ Выдержка из Сенебье у Байрона приведена по-французски.

Покрыты влажным мохом лет.
На них печальный брезжит свет
Луч, ненароком с вышины
Упавший в трещину стены
И заронившийся во мглу.
И на сыром тюрьмы полу
Он светит тускло, одинок,
Как над болотом огонек,
Во мраке веющий ночном.
Колонна каждая с кольцом;
И цепи в кольцах тех висят;
И тех цепей железо — яд;
Мне в члены вгрызлося оно;
Не будет ввек истреблено
Клеймо, надавленное им.
И день тяжел глазам моим,
Отвыкнувшим столь давних лет
Глядеть на радующий свет;
И к воле я душой остыл
С тех пор, как брат последний был
Убит неволей предо мной
И, рядом с мертвым, я, живой,
Терзался на полу тюрьмы.

III

Цепями теми были мы
К колоннам тем пригвождены,
Хоть вместе, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить,
В глаза друг друга различить
Нам бледный мрак тюрьмы мешал.
Он нам лицо чужое дал
И брат стал брату незнаком.
Была услада нам в одном:
Друг другу голос подавать,
Друг другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной песнею войны
Но скоро то же и одно
Во мгле тюрьмы истощено;
Наш голос страшно одичал,
Он хриплым отголоском стал
Глухой тюремная стены;
Он не был звуком старины
В те дни, подобно нам самим,
Могучим, вольным и живым!
Мечта ль?.. но голос их и мой
Всегда звучал мне как чужой.

IV

Из нас троих я старший был;
Я жребий собственный забыл,
Дыша заботою одной,
Чтоб им не дать упасть душой.
Наш младший брат — любовь отца...
Увы! черты его лица
И глаз умильная краса,
Лазоревых, как небеса,
Напоминали нашу мать.
Он был мне все — и увядать
При мне был должен милый цвет,
Прекрасный, как тот дневный свет,
Который с неба мне светил,
В котором я на воле жил.
Как утро, был он чист и жив:
Умом младенчески-игрив,
Беспечно весел сам с собой...
Но перед горестью чужой
Из голубых его очей
Бежали слезы, как ручей.

V

Другой был столь же чист душой,
Но дух имел он боевой:
Могуч и крепок, в цвете лет,
Рад вызвать к битве целый свет
И в первый ряд на смерть готов...
Но без терпенья для оков.
И он от звука их завял!
Я чувствовал, как погибал,
Как медленно в печали гас
Наш брат, незримый нам, близ нас;
Он был стрелок, жилец холмов,
Гонитель вепрей и волков
И гроб тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI

Шильон Леманом окружен,¹¹

---

¹¹ *Шильон Леманом окружен...* — Леман — Женевское озеро.
А. Николюкин

И вод его со всех сторон
Неизмерима глубина;
В двойную волны и стена
Тюрьму совокупились там;
Печальный свод, который нам
Могилой заживо служил,
Изрыт в скале подводной был;
И день и ночь была слышна
В него бьющая волна
И шум над нашей головой
Струй, отшибаемых стеной.
Случалось — бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызгов дождь нас окроплял;
Случалось — вихорь бушевал,
И содрогалась скала;
И с жадностью душа ждала,
Что рухнет и задавит нас:
Свободой был бы смертный час!

VII

Середний брат наш — я сказал
Душой скорбел и увядал.
Уныл, угрюм, ожесточен,
От пищи отказался он:
Еда тюремная жестка;
Но для могучего стрелка
Нужду переносить легко.
Нам коз альпийских молоко
Сменила смрадная вода;
А хлеб наш был, какой всегда
С тех пор как цепи созданы
Слезами смачивать должны
Невольники в своих цепях.
Не от нужды скорбел и чах
Мой брат: равно завял бы он,
Когда б и негой окружен
Без воли был... Зачем молчать?
Он умер... я ж ему подать
Руки не мог в последний час,
Не мог закрыть потухших глаз;
Вотще я цепи грыз и рвал
Со мною рядом умирал
И умер брат мой, одинок;
Я близко был — и был далек.
Я слышать мог, как он дышал,
Как он дышать переставал,

Как вздрагивал в цепях своих
И как ужасно вдруг затих
Во глубине тюремной мглы...
Они, сняв с трупа кандалы,
Его без гроба погребли
В холодном лоне той земли,
На коей он невольник был.
Вотще я их в слезах молил,
Чтоб брату там могилу дать,
Где мог бы дневный луч сиять;
То мысль безумная была,
Но душу мне она зажгла:
Чтоб волен был хоть в гробе он.
«В темнице, мнил я, мертвых сон
Не тих...» Но был ответ слезам
Холодный смех; и брат мой там
В сырой земле тюрьмы зарыт,
И в головах его висит
Пук им оставленных цепей:
Убийц достойный мавзолеей.

VIII

Но он — наш милый, лучший цвет,
Наш ангел с колыбельных лет,
Сокровище семьи родной,
Он — образ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Он — для кого я жизнь щадил,
Чтоб он бодрей в неволе был,
Чтоб после мог и волен быть...
Увы! он долго мог сносить
С младенческой тишиной,
С терпеньем ясным жребий свой:
Не я ему — он для меня
Подпорой был... Вдруг день от дня
Стал упадать, ослабевал,
Грустил, молчал и молча вял.
О боже! боже! страшно зреть,
Как силится преодолеть
Смерть человека... я видал,
Как ратник в битве погибал;
Я видел, как пловец тонул
С доской, к которой он прильнул
С надеждой гибнущей своей;
Я зрел, как издыхал злодей
С свирепой дикостью в чертах,
С богохуленьем на устах,
Пока их смерть не заперла;

Но там был страх — здесь скорбь была
Болезнь глубокая души.
Смирненным ангелом, в тиши,
Он гас, столь кротко-молчалив,
Столь безнадежно-терпелив,
Столь грустно-томен, нежно-тих.
Без слез, лишь помня о своих
И обо мне... Увы! он гас,
Как радуга, пленяя нас,
Прекрасно гаснет в небесах;
Ни вздоха скорби на устах;
Ни ропота на жребий свой;
Лишь слово изредка со мной
О наших прошлых временах,
О лучших будущего днях,
Об упованье... но, объят
Сей тратой, горшею из трат,
Я был в свирепом забытьи.
Вотще, кончаясь, он свои
Терзанья смертные скрывал...
Вдруг реже, трепетнее стал
Дышать, и вдруг умолкнул он...
Молчаньем страшным пробужден,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу как бешеный... стена
Откликнулась... и умер гул...
Я цепь отчаянно рванул
И вырвал... К брату — брата нет!
Он на столбе — как вешний цвет,
Убитый хладом, — предо мной
Висел с поникшей головой.
Я руку тихую поднял;
Я чувствовал, как исчезал
В ней след последней теплоты;
И мнилось, были отняты
Все силы у души моей;
Все страшно вдруг сперлося в ней;
Я дико по тюрьме бродил
Но в ней покой ужасный был,
Лишь веял от стены сырой
Какой-то холод гробовой;
И, взор на мертвого вперив,
Я знал лишь смутно, что я жив.
О! сколько муки в знанье том,
Когда мы тут же узнаем,
Что милому уже не быть!
И миг тот мог я пережить!
Не знаю — вера ль то была,
Иль хладность к жизни жизнь спасла?

Но что потом сбылось со мной
Не помню... Свет казался тьмой,
Тьма — светом; воздух исчезал;
В оцепенении стоял,
Без памяти, без бытия,
Меж камней хладным камнем я;
И виделось, как в тяжком сне,
Все бледным, темным, тусклым мне;
Все в мутную слилось тень;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкий свет тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было — тьма без темноты;
То было — бездна пустоты
Без протяженья и границ;
То были образы без лиц;
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без Промысла, без благ и бед,
Ни жизнь, ни смерть — как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и немой.

Х

Вдруг луч внезапный посетил
Мой ум... то голос птички был.
Он умолкал; он снова пел;
И мнилось, с неба он летел;
И был утешно-сладок он.
Им очарован, оживлен,
Заслушавшись, забылся я.
Но ненадолго... мысль моя
Стезей привычною пошла,
И я очнулся... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Как прежде, бледною струей
Прокрадывался луч дневной
В стенную скважину ко мне...
Но там же, в свете, на стене
И мой певец воздушный был:
Он трепетал, он шевелил
Своим лазоревым крылом;
Он озарен был ясным днем;
Он пел приветно надо мной...

Как много было в песне той!
И все то было — про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобного не зрел!
Как я, казалось, он скорбел
О брате, и покинут был;
И он с любовью навестил
Меня тогда, как ни одним
Уж сердцем не был я любим;
И в сладость песнь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто ж он сам был, мой певец?
Свободный ли небес жилец?
Или, недавно от цепей,
По случаю к тюрьме моей,
Играя в небе, залетел
И о свободе мне пропел?
Скажу ль?.. Мне думалось порол,
Что у меня был не земной,
А райский гость; что братний дух
Порадовать мой взор и слух
Примчался птичкою с небес...
Но утешитель вдруг исчез;
Он улетел в сиянье дня...
Нет, нет, то не был брат... меня
Покинуть так не мог бы он,
Чтоб я, с ним дважды разлучен,
Остался вдвое одинок,
Как труп меж гробовых досок.

XI

Вдруг новое в судьбе моей:
К душе тюремных сторожей
Как будто жалость путь нашла;
Дотоле их душа была
Бесчувственной желез моих;
И что разжалобило их?
Что милость вымолило мне,
Не знаю... но опять к стене
Уже прикован не был я;
Оборванная цепь моя
На шее билася моей;
И по тюрьме я вместе с ней
Вдоль стен, кругом столбов бродил,
Не смея братних лишь могил
Дотронуться моей ногой,
Чтобы последняя земной
Святыни там не оскорбить.

ХII

И мне оковами прорыть
Ступени удалось в стене;
Но воля не входила мне
И в мысли... я был сирота,
Мир стал чужой мне, жизнь пуста,
С тюрьмой я жизнь сдружил мою:
В тюрьме я всю свою семью,
Все, что знал, все, что любил,
Невозвратно схоронил,
И в области веселой дня
Никто уж не жил для меня;
Без места на пиру земном,
Я был бы лишний гость на нем,
Как облако при ясном дне,
Потерянное в вышине
И в радостных его лучах
Ненужное на небесах...
Но мне хотелось бросить взор
На красоту знакомых гор,
На их утесы, их леса,
На близкие к ним небеса.

ХIII

Я их увидел — и оне
Все были те ж: на вышине
Веков создание — снега,
Под ними Альпы и луга,
И бездна озера у ног,
И Роны блещущий поток
Между зеленых берегов;
И слышен был мне шум ручьев,
Бегущих, бьющих по скалам;
И по лазоревым водам
Сверкали ясны облака;
И быстрый парус челнока
Между небес и вод летел;
И хижины веселых сел,
И кровы светлых городов
Сквозь пар мелькали вдоль берегов...
И я приметил островок:
Прекрасен, свеж, но одинок
В пространстве был он голубом;
Цвели три дерева на нем,
И горный воздух веял там
По мураве и по цветам,

И воды были там живей,
И обвивалися нежней
Кругом родных берегов оне.
И видел я: к моей стене
Челнок с пловцами приставал,
Гостил у берега, отплывал
И, при свободном ветерке
Летя, скрывался вдалеке;
И в облаках орел играл,
И никогда я не видал
Его столь быстрым — то к окну
Спускался он, то в вышину
Взлетал — за ним душа рвалась;
И слезы новые из глаз
Пошли, и новая печаль
Мне сжала грудь... мне стало жаль
Моих покинутых цепей.
Когда ж на дно тюрьмы моей
Опять сойти я должен был
Меня, казалось, обхватил
Холодный гроб; казалось, вновь
Моя последняя любовь,
Мой милый брат передо мной
Был взят несытою землей;
Но как ни тяжело ныла грудь
Чтоб от страданья отдохнуть,
Мне мрак тюрьмы отрадой был.

XIV

День приходил, день уходил,
Шли годы — я их не считал:
Я, мнилось, память потерял
О переменах на земли.
И люди наконец пришли
Мне волю бедную отдать.
За что и как? О том узнать
И не помыслил я — давно
Считать привык я за одно:
Без цепи ль я, в цепи ль я был,
Я безнадежность полюбил;
И им я холодно внимал,
И равнодушно цепь скидал,
И подземелье стало вдруг
Мне милой кровлей... там все друг,
Все однодomeц было мой:
Паук темничный надо мной
Там мирно ткал в моем окне;
За резвой мышью при луне
Я там подсматривать любил;

Я к цепи руку приучил;
И... столь себе неверны мы!
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул
Я о тюрьме своей вздохнул.

КОММЕНТАРИИ

Поэма написана в деревне Уши близ Лозанны, где Байрон и Шелли, посетившие 26 июня 1816 г. Шильонский замок, задержались из-за плохой погоды на два дня. Создана, по-видимому, между 27–29 июня, окончательный вариант закончен к 10 июля 1816 г. Несколько позже, ознакомившись с документами о жизни и деятельности Франсуа Бонивара, Байрон, стремясь к исторической достоверности, не только предпослал поэме предисловие, но и написал «Сонет к Шильону», в котором воспел тех, в ком дух Свободы не угасает.

Опубликована поэма 5 декабря 1816 г. отдельным изданием, вместе с другими стихотворениями Байрона.